

Точка зрения

Размышления
после отпуска

Вернувшись домой, я, как обычно, просмотрел номера газеты «ММ», вышедшие в мае. Что я почувствовал, читая подшивку? Страх... Страх за будущее. Корреспондент газеты задает вопрос: «Что готовит грядущий день?» и отвечает: «На этот вопрос ответить не может никто».

Ветераны ММК обвиняют Б. Н. Ельцина и шахтеров за то, что те не хотят жить в хлевах и, рискуя жизнью, иметь нищенскую зарплату.

Слесарь Ю. Николаев из ЦРМО № 1 делает интересные выкладки и выводы в статье «Выход из тупика», которые я полностью поддерживаю. Что касается В. Ланцова, то в статье «Измещение отфарнизма», он, гордясь средней зарплатой в 393 рубля, предлагает улучшить качество продукции (что поддерживаю), другие малозначительные меры для увеличения прибыли и зарплаты в два раза, а также же безработицу.

Депутаты, пообещав нам «город экологического бедствия», разбрелись кто куда. Дирекция комбината добирает нам — независимо от министерства — хлеб, уголь, руду...

Что же это такое? Почему остались мы одинокие, нищие и голодные? 393 рубля

Письмо В. Коновалова мягким не назовешь. Но вряд ли автора можно обвинить в излишней категоричности суждений. Тем более, что ее причиной является, на мой взгляд, некоторая подмена понятий.

Говоря о средней зарплате металлургов, В. Коновалов мог и не знать, что 393 рубля — снелированная цифра, полученная как среднеарифметическое заработков различных категорий трудящихся комбината. Разумеется, металлургами можно назвать всех, кто имеет хоть какое-то отношение к нашему предприятию, основной продукцией которого является металл. Среди них не только люди, стоящие у горнов домен, мартеновских печей, прокатных станов. Разве нельзя назвать металлургами и ремонтников, воспитателей и нянечек в детских учреждениях ММК? Разница между этими категориями металлургов в количестве и оплате труда.

В частности, зарплата подручного сталевара в мартеновском цехе № 1, как нам сказали в ОНОТ-3 комбината, колеблется в пределах 1000—1100 рублей. Так что сумма в 393 рубля действительно не совсем сравнима с зарплатой московского дворника.

В. СОКОЛОВ.

ПОБЕДА

ответу уже не призовешь — давно все было. А с кого сейчас за это спрашивать? Жизнь-то, она идет: было и хорошее, было и плохое. Было и сейчас есть.

И попутно рассказывает об удивительных людях, своих став совсем взрослым и пройдя по военным дорогам, узнал Владимир Константинович, что вырастила его вовсе не родные мать с отцом. Усыновили четырехлетнего сироту в 29-м году бездетные люди. Чтобы никто не знал об этом, уехали из Краснодарского края на Урал, в Магнитку. Рос родным сыном, окруженный вниманием и заботой. В самом начале войны отец погиб на производстве, а мать до последних своих дней оставалась для него и его семьи единственно родной и любимой бабушкой — жена, Мария Александровна тоже выросла в сиротстве.

С ЖЕНИТЬБОЙ на Марии Александровне стал Владимир Константинович завязаным театралом. Медсестра прифронтового госпиталя, она больше четверти века проработала в

драматическом театре. Была и костюмером, и завхозом, и контролером, помогая актерам и режиссерам своей добротой и заботой. Вместе с женой Никитин пересмотрел все спектакли, знал всех актеров в лицо. Может, именно потому, став пенсионером, пошел устраиваться не куда-нибудь, а в цирк.

Вот уже пятнадцать лет фронтовик, металлург Никитин высвечивает разноцветными прожекторами цирковые спектакли. Выходной у него, как и у артистов, — понедельник. Каждый вечер занят.

— Всех приезжих знаменитостей знаю, — гордится он, — А в прошлом году была у нас в городе Светлана Тим, слышали, наверное? Так вот благодаря ей год назад курить бросил. За пять минут до спектакля выкурив последнюю папироску, и с тех пор больше — ни-ни. А ведь 48 лет курил, с 42-го...

Вот на этой ноте хочу закончить рассказ о своих добрых знакомых — милый и приветливый семье фронтовиков Никитиных.

В. МИНУЛЛИНА.

ПО КОМ ЗВОНИТ
КОЛОКОЛ

(Начало в № 59—63)

Х

Злобные по тону и содержанию реплики А. Лукьянова, пока еще завуалированные угрозы В. Крючкова, нападки С. Гусева... Разбирался и поступивший из Верховного суда «донос», что мы-де компрометируем суд, а сами в это время творим «произвол» в Узбекистане. Было и немало забавных моментов.

Например, в период обсуждения В. Чебриков просматривал типографские гранки нашего неопубликованного интервью по делу Ю. Чурбанова газете «Социалистическая индустрия», которое незадолго до этого было изъято из уже подписанного номера, но в то же время кощунственно заверял, что ЦК не вмешивается в вопросы гласности. А. Сухарев, незадолго до этого утверждавший, что никогда не согласится с произволом Военной коллегии и принесет протест, заявил, что, «к сожалению», еще не выработал своего отношения к приговору, но создал комиссию из видных юристов, которые помогут ему в этом разобраться. Изобличенный во лжи С. Гусев, подписавший «донос» в ЦК, ловко переложил ответственность за его содержание на подчиненных, а на вопрос: «Почему суд не вынес частного определения», не моргнув глазом ответил: «Чтобы не будоражить иностранных корреспондентов». Даже у выдавших виды «архитекторов» и «прорабов перестройки» этот юмор вызвал бурное оживление...

Данный эпизод еще более усугубил нашу конфронтацию с «верхами». Не имея больше выходов на центральные средства массовой информации, мы продолжали говорить правду о судебном процессе в залах и на митингах, в периферийной печати, неформальных изданиях и многотиражках. Созданная А. Сухаревым комиссия, более двух месяцев изучавшая дело Ю. Чурбанова, единогласно пришла к выводу о необоснованности приговора Верховного суда СССР и необходимости его опротестования. Серьезные данные о взятничестве В. Тербилова побудили руководство потихоньку отправить его на пенсию, чтобы тем самым снять напряжение и в дальнейшем освободить от законной ответственности «проверенного» соратника. (Кстати, на I Съезде народных депутатов СССР А. Лукьянов подтвердил, что освобождение В. Тербилова было связано с расследуемым делом).

Резонно задать ряд «детских» вопросов читателям. Почему по прошествии двух лет так и не восстановлена законность и по делу Ю. Чурбанова не принесен протест? (По закону, помимо Генерального прокурора правом принесения протеста наделен и Председатель Верховного суда СССР Е. Смоленцев). Почему заключение комиссии о необходимости опротестования приговора нигде не было опубликовано? (Уместно напомнить, что летом 1989 г. один из членов этой комиссии огласил ее выводы в еженедельнике «Аргументы и факты»). Но начавшаяся по этому поводу полемика была тут же пресечена). Почему созданный Белорусской киностудией пятисерийный документальный фильм «Чурбанов и другие», продемонстрированный по республиканскому телевидению осенью 1989 г., был запрещен для показа во всех других регионах страны? Почему мы можем читать лживые интервью Ю. Чурбанова, получать краткую информацию о пересмотре дел осужденных вместе с ним соучастников, о возврате Галине Брежневой изъятых ранее ценностей, но объективный анализ высшего судебного приговора по этому делу до сих пор недоступен прессе?

Поскольку ответы понятны каждому, переадресуем эти вопросы новому Генеральному прокурору СССР, который займет место А. Сухарева, чтобы еще раз убедиться, насколько различно воспринимается понятие «законности» высшей элитой и демократической общественностью.

XI

В этот сложный, драматичный момент как бы врасплох застала нас из-

бирательная кампания и выдвижение Т. Гдлына кандидатом в народные депутаты СССР в ряде регионов страны. Участники тех событий помнят, как не просто, в многодневных раздумьях, вызревало решение о согласии баллотироваться на выборах. Анализируя сложившуюся ситуацию, взвешивая все «за» и «против», пришли к выводу, что депутатский мандат даст еще один шанс не только удержать дело от его локализации и последующего развала, но и углубить расследование, внести посильный вклад в реформирование правоохранительной системы и организацию надлежащей борьбы с мафиозными структурами.

Участвовать в выборах решили по столичному территориальному округу № 25, включающему в себя Тушинский район и г. Зеленоград. Первые посещения предприятий, митинги, встречи... После многолетних исследований негативной деятельности продажной власти, постоянного соприкосновения с аппаратными интригами и кабинетными пакостями, дохнуло свежим ветром обычной человеческой жизни, простых, понятных интересов, желаний презираемого и подавляемого «верхами» трудового народа. Невозможно переоценить, насколько это обогатило, укрепило дух, придавало новые силы.

Зеленоград... Кто сегодня не знает этот населенный пункт, наряду с десятками других районов административно входящий в состав Москвы, но заметно отличающийся от остальных. Центр технического прогресса в сфере электроники, центр интеллектуальной мысли. Но и центр политической активности горожан, уже ряд лет стабильно задающих тон, заряжающих своей энергией всю Москву, а порой и Россию, страну. Сколько живущих по чести людей, какая вера в неизбежность реформ, тяга к новой жизни и желание конкретными действиями встряхнуть общество...

Избирательная кампания потребовала большого напряжения сил. Отсутствие опыта проведения подобных мероприятий компенсировалось одной из главных поддержек кандидатуры Т. Гдлына большинством зеленоградцев, симпатично к нему у многих тушинцев, энергией активистов и доверенных лиц. Сложнее было преодолевать предусмотрительно внесенные в недемократичный Закон о выборах препоны и рогатки, используя которые правящая элита получала в свои руки реальные рычаги воздействия на ход выборов. Москвичи не забыли, какое мощное противодействие избиранию Т. Гдлына осуществлялось парт-аппаратом. Но уже не все было в их власти. На выборах 26 марта за Т. Гдлына (при наличии у него 4 конкурентов) отдали свои голоса 87% избирателей. Победа! Мы вновь перехватили инициативу в свои руки. Но каким будет ответный ход наших противников? Он был сделан незамедлительно...

Все мы помним, в какое шоковое состояние были повергнуты «верхи» в результате избирательной кампании 1989 года и какие неадекватные действия в ответ на это последовали. Озлобленные Пленумы ЦК КПСС, создание комиссии ЦК по проверке деятельности Б. Ельцина, добонце в Тбилиси, подписанный М. Горбачевым Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8.04.1989 г. с чудовищной статьей 11-прим... Резко усилившаяся конфронтация власть имущих с демократическими силами страны ускорила развалку и с нашей следственной группой.

Уже через несколько дней после избрания Т. Гдлына народным депутатом СССР решением Политбюро была создана антиконституционная комиссия ЦК КПСС во главе с Председателем КПК Б. Пуго по проверке «дела о мафии». В рамках ее работы Пленум Верховного суда СССР реабилитировал И. Хинта и его соучастников с вынесением «частного определения» в адрес Т. Гдлына и его группы, где измышления шли вперемежку с такими доводами, над которыми до сих пор потешаются не только юристы, (К слову, через полгода даже

тенденциозная депутатская комиссия № 3 отметит все эти обвинения и предложит суду пересмотреть свое решение). Вслед за первой «проверить» нашу деятельность взялась и вторая комиссия, на этот раз — Президиума Верховного Совета СССР, а под их прикрытием поделственные вывозились в тюрьму КГБ в Лефортово, где за несколько часов или дней опешившим миллионерам помогали «вспомнить», что они «честные партийцы», а преступления совершали... следователи. В результате нового раунда уже открытой конфронтации с руководством страны на телевидение и радио, во все центральные органы печати поступил жесткий запрет на любые наши выступления, а издательству «Юридическая литература» — на выход в свет уже набранной в типографии книги Т. Гдлына и Е. Додолева о мафии. «Гласность по-горбачевски» показала свои возможности. «Информационная блокада», которая продолжается и поныне, одновременно сопровождалась «информационным террором» в отношении мятежных следователей. Скороспелые, без изучения следственных документов, тенденциозные «заклочки» уже упоминавшихся двух комиссий с обвинением группы Т. Гдлына в массовых «нарушениях законности», «разоблачении» А. Духанина и других внедренных в группу следователей КГБ, инсинуации услужливых писателей и журналистов мутным потоком хлынули на страну со страниц прессы, через телевидение и радио. 3 и 10 мая состоялись встречи с М. Горбачевым. В итоге после первой мы были отстранены от руководства группой, после второй — изгнаны еще 70 наиболее информированных и опытных следователей, разбойным путем, без акта приема-передачи, опяты материалы дела с находящимися в подотчете ценностями, а против следственной группы возбуждено уголовное дело.

В этой обстановке и началась наша следующая избирательная кампания, и ее отличие от предыдущей заключалось прежде всего в том, что она носила исключительно вынужденный характер. При той степени известности у меня имелись реальные возможности баллотироваться в депутаты еще в первом туре и, наряду с Т. Гдлыном, быть избранным. Но в интересах дела мы твердо решили, что нам достаточно одного мандата, а мне целесообразнее остаться профессиональным следователем и все силы вкладывать в продолжение расследования. Когда после 26 марта из свободных округов Москвы, Ленинграда и других регионов страны стали поступать предложения баллотироваться на повторных выборах, я благодарил и решительно отказывался. И лишь когда окончательно убедился, что очередное преступное решение Политбюро уже не суждено «обойти», что развал «дела о мафии» стал реальностью и завершение этого развала является лишь делом времени, мы изменили свою позицию. За неделю до окончания срока выдвижения кандидатов решили, что я буду баллотироваться по Ленинградскому городскому национально-территориальному округу, включающему в себя избирателей всего пятимиллионного города.

При значимости Ленинграда, этой второй столицы России, в жизни страны борьба за обладание мандатом № 2, который до этого принадлежал «проходившему» по уголовному делу о коррупции печально известному Г. Романову, имела принципиальное значение. Независимо от результата выборов (мы, кстати, понимали, что если прохождение по территориальному округу гарантировало избрание, то в данном случае замкнулись слишком высоко и серьезно рискуем), через участие в избирательной кампании появлялась уникальная возможность проинформировать ленинградцев о наступлении «мафиозной чумы», уничтожении последнего «островка» борьбы с коррупцией в высших эшелонах власти и, кроме того, хотя бы частично прорвать «информационную блокаду».

(Окончание следует)